

РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

А. Г. Сарычев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 сентября 2009 г.

Аннотация: *в статье рассмотрен начальный этап разрушения советской официальной концепции отечественной истории, проходивший в 1987—1991 гг.*

Ключевые слова: *гласность, историография, конъюнктура, монография, объективность.*

Abstract: *the article deals with the initial period of the national history's official conception destruction, which processed in 1987—1991.*

Key words: *glasnost, historiography, conjuncture, monograph, objectivity.*

В российском обществе начала XXI в. на разных уровнях, в том числе и в высших эшелонах государственной власти, все чаще и чаще звучит тревога по поводу мировоззренческого кризиса современной молодежи. Тревога эта вполне обоснована. На фоне новых геополитических реальностей, изменения роли и статуса России в современном мире значительная часть молодого поколения не знает истории и культуры своего Отечества и, следовательно, их ценности ей не дороги. Это порождает состояние нигилизма по отношению к своей Родине — явление крайне опасное, оказывающее деструктивное влияние на поведение молодежи, жизнь российского общества в целом, будущее Российской Федерации.

Весьма заметную лепту в разрушительные процессы лишения у молодежи чувства Родины, любви к России, ее духовному миру, в изменение подходов к гуманитарному знанию и традициям внесло стремительное одиозное переписывание истории Отечества. Оно сопровождалось безудержной фальсификацией советской истории, масштабы которой вызвали появление Указа Президента РФ от 15 мая 2009 г. «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Ни для кого не секрет, что первоначальные лозунги и первые шаги М. С. Горбачева вызвали у населения СССР неподдельный энтузиазм. Беспорные позитивные моменты имели место и в изучении отечественной истории. Однако истоки антиисторической вакханалии, которая лишила

значительную часть молодежи чувства Родины, породила у нее скептицизм по отношению к истории Отечества, радикализм в поведении и вынудила Президента страны пойти на столь неординарный шаг, также следует отнести к временам перестройки, и инициаторами его было политическое руководство СССР.

В известной степени отправной точкой переписывания истории Отечества стал 1987 год. Казалось бы он не принес принципиальных изменений во взглядах на историю XX в. Это был год 70-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции и его центральным событием был доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», прочитанный на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 2 ноября 1987 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС как бы задал тональность начавшимся дискуссиям, показав свое видение советского периода отечественной истории. С учетом значимости этого поста в жизни СССР переоценить влияние высказанных им идей на ученых-историков крайне сложно. В докладе в полном объеме сохранялись привычная социалистическая риторика, оценки и выводы. Он признавал политику КПСС в предшествующие десятилетия единственно правильной, неоднократно провозглашал верность идеалам Октябрьской революции. «Еще и еще раз, — заявил он, — убеждаемся в правильности социалистического выбора, сделанного Октябрем». Традиционно негативными были оценки Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и т.д. [1, с. 9—36].

Показательно, что даже публикации таких апологетов перестройки, как Ю. Афанасьев, Д. Волкогонов, П. Волобуев, Д. Шелестов, вышедшие в 1987 г., при всей их несхожести имели один общий признак: по подходам, лексике, утверждениям о приверженности социалистическому выбору они были очень близки положениям ноябрьского доклада Горбачева. Но это все с одной стороны. С другой же, кампания «гласности», начинавшаяся под лозунгами «Больше социализма, больше демократии», возвращения к «идеалам Октября», обрушила после десятилетий строгого дозирования информации на привыкшее верить СМИ население лавину далеко не бесспорных фактов, излишне эмоциональных умозаключений, непроверенных версий, а порой и откровенной лжи. Кампания «гласности» фактически инициировала активизацию сил, заинтересованных в разрушении Советского государства. Взбудоражив теряющую динамизм экономического развития страну, она самым сокрушительным образом подействовала на массовое сознание населения, вызвав нарастание разочарования в социалистической системе в целом.

Кроме того, давление «ажитажной» публицистики на историческую науку уже в то время не проходило бесследно. Это проявлялось, например, в такой застарелой болезни, как конъюнктурность. Так, 22 апреля 1987 г. в Институте истории СССР АН СССР состоялась дискуссия о периодизации истории советского общества. С докладом здесь выступил председатель Научного совета АН СССР по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР академик М. П. Ким. Подчеркнув, что «императив нового мышления обязывает нас решительно перестроить работу в исследовании истории советского общества, придать ей творческий характер», он предложил открыть с 1986 г. качественно новый этап в строительстве развитого социалистического общества. Он определил его как этап «всестороннего совершенствования социализма — достижения его полной зрелости» [2, с. 132]. Необходимость отказа от старых схем периодизации М. П. Ким мотивировал тем, что они создавались не столько на базе исследований реального исторического состояния общества, сколько формально. Серьезных возражений участников дискуссии это предложение не встретило [2, с. 136—152].

Определенная часть историков также включилась в кампанию гласности. По оценке известных отечественных историков Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, «Концепция “белых пятен” (теперь,

как уже совершенно очевидно для всех, ущербная) на какое-то время стала суррогатом отсутствовавших историографических концепций. Она давала возможность любому историку высказываться о прошлом, читать лекции в «перестроечном духе». Сотни лекторов по всей стране начали рассказывать о «белых пятнах». Достаточно было овладеть малодоступными историческими фактами, чтобы идти в любую аудиторию и быть обреченным на успех. Многим в это время помогло знакомство с публикациями “буржуазных фальсификаторов” — для них большинство наших “белых пятен” давно уже были историографическим трюизмом». [3, с. 8].

Те же ученые, которые ответственно относились к высокому общественному предназначению исторической науки, попадали под жесткий прессинг СМИ. Обвинения в консерватизме, политической ангажированности и прочих грехах становились все более обычным явлением. Противостоять этому давлению было очень непросто.

Между тем «за кулисами», скрыто от глаз общества, в верхах шла подготовительная работа к серьезным политическим преобразованиям, перестройке политической системы СССР. Убедительным свидетельством этого может служить выступление члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС В. А. Медведева на совещании историков в ЦК КПСС, проходившем 3 октября 1989 г. Главным политическим событием 1987 г. он назвал январский пленум ЦК КПСС. Формально это был пленум по кадровой работе, но по сути дела он стал пленумом по проблемам перестройки политической системы. Именно тогда было впервые сказано о необходимости глубокой перестройки и государства, и партии. По мнению Медведева, связанное с 70-летием Октября серьезное, глубокое обращение к исторической проблематике, осмысление пути развития нашего общества яснее показало, что причины стоявших перед СССР проблем связаны со всей историей развития страны после 1917 г. Подчеркивая, что таким образом был открыт путь к XIX Всесоюзной партийной конференции, Медведев туманно пояснил: «Выводы, обобщения, оценки XXVII съезда КПСС с точки зрения последующего развития событий оказались уже недостаточными, жизнь пошла вперед, потребовалось идти вровень с нею» [4, с. 4].

В свете сказанного нет ничего удивительного в том, что ситуация в области исторического знания в стране в 1988—1991 гг. резко изменилась. Горбачев и его окружение по существу инициировали

кампанию по пересмотру отечественной истории первой половины XX в. 4 февраля 1988 г. Верховный суд СССР отменил приговор, вынесенный в марте 1938 г. в отношении Н. И. Бухарина и других осужденных по этому делу, и прекратил его за отсутствием в их действиях состава преступления. Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями конца 30 — начала 50-х гг., заслушала информацию председателя Верховного суда о том, что следствие по этому делу проводилось с грубыми нарушениями социалистической законности, фальсифицировалось, признательные показания от обвиняемых добывались недозволенными методами. 6 февраля информацию об этих, сенсационных в свете доклада Горбачева от 2 ноября 1987 г., событиях опубликовали центральные газеты страны. Летом 1988 г. Бухарин был восстановлен в рядах партии, а в октябре очень широко отмечено 100-летие со дня его рождения. В институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС была проведена научно-теоретическая конференция, посвященная этому событию. Из печати вышел сборник избранных произведений Бухарина. В номерах 10—12 журнала «Знамя» были опубликованы воспоминания его последней жены А. М. Лариной, вышедшие в 1989 г. отдельной книгой.

По точному определению Бордюгова и Козлова, которые и сами опубликовали в 1988 г. несколько статей о Бухарине, вокруг его личности в этом году развернулся подлинный бум. Помимо них о нем писали и многие другие отечественные историки. Однако наиболее знаковым событием, просто немислимым еще за два-три года до этого, стало издание все в том же 1988 г. работы американского историка и советолога С. Коэна «Бухарин. Политическая биография. 1888—1938».

Еще большая активность наблюдалась в исторической публицистике. В своей интересной, познавательной монографии Ю. В. Емельянов обратил внимание на то, что «... в течение всего 1988 года редкая неделя проходила без того, чтобы о Бухарине не вспоминали в статьях и выступлениях, теле- и радиопередачах» [5, с. 4].

Параллельно с откровенной апологетикой Бухарина в научных, научно-популярных и публицистических статьях была развернута массивная кампания по дискредитации личности Сталина и его внутренней и внешней политике в 1929—1953 гг. По сути дела, фигура Бухарина, его политические и социально-экономические взгляды выдвигались в качестве нереализованной, но более

предпочтительной альтернативы «сталинизму». Вольно или невольно, но эта кампания положила начало пересмотру истории нашего Отечества в годы правления Сталина и формированию негативных представлений о происходящем в СССР во второй половине XX в.

1988 г. вошел в историю Отечества как год проведения XIX Всесоюзной партийной конференции, на которой была провозглашена новая система формирования и функционирования органов государственной власти. Подготовка конференции сопровождалась резким обострением политического противостояния в стране. Нарастание радикальных настроений среди части интеллигенции, прежде всего Москвы и Ленинграда, прекрасно видно из содержания сборника «Иного не дано». Вышедший в серии «Перестройка: Гласность. Демократия. Социализм» под общей редакцией Ю. Н. Афанасьева, он содержит статьи ученых разных специальностей, писателей и публицистов. В предисловии от редактора Афанасьев совершенно справедливо обращает внимание на то, что авторы статей выступают с разной степенью решительности и новизны, что амплитуда мнений на страницах сборника огромна. Однако в книге есть нечто, звучащее своеобразным рефреном, — это очернение в общественном сознании всех институтов Советского государства, формирование негативного представления о всей государственной системе и призыв к общенародному покаянию, с которым выступали даже наиболее сдержанные авторы, например Ю. Н. Афанасьев, И. И. Виноградов [6, с. 282; 7, с. 493]. Очень показательны также отсутствие в сборнике статей авторов, чьи взгляды не вписываются в его концепцию. Оригинально и объяснение этого прискорбного в условиях плюрализма факта Ю. Афанасьевым: «Мы хотели бы пригласить к участию противников перестройки, но заранее были уверены, что они не откликнутся, не захотят откровенно изложить свои взгляды. В результате в книге не представлены негативные по отношению к перестройке мнения» [8, с. 6]. Имена тех ретроградов, кого приглашали к участию, но уклонились от него, Афанасьевым не названы.

Как полагают ученые, придерживающиеся левых взглядов, создание негативных представлений о советском обществе позволило провести реформу политической системы СССР (см., например: [9, с. 301; 10, с. 168—169] и др.). Однако и в дискуссиях на XIX партконференции было далеко до единства, и после ее окончания противостояние

вокруг наиболее острых проблем отечественной истории только усилилось. 1989 год стал в этом плане чрезвычайно показательным.

Наиболее характерным для данного года явлением стало дальнейшее нарастание публицистической активности средств массовой информации. Даже сегодня поражают масштабы той деструктивной деятельности, которая была развернута ими в то время. Участники этой грандиозной кампании прекрасно понимали последствия своей деятельности. Так, автор одной из весьма одиозных публикаций 1989 г. В. Шубкин писал: «В сохранении и обогащении нравственного и социального идеалов важнейшую роль играет историческое и культурное самосознание народа. Оно обеспечивает постоянное воспроизводство нравственных устоев народа, его общественное и гражданское творчество. Насильственный разрыв связей со своей собственной историей, попытка отнять прошлое у народа, исказить, фальсифицировать его, столь характерные для радикальных революций, подобны национальной катастрофе. Лишь сильные народы способны после таких потрясений сохранить себя, восстановить свои идеалы» [11, с. 180]. Тем не менее журналы «Знамя» — тираж в то время около одного миллиона экземпляров, «Новый мир» — более полутора миллионов экземпляров, «Огонек» — более двух миллионов экземпляров, «Наука и жизнь» — три миллиона двести экземпляров и другие опубликовали целый ряд статей, отличавшихся антиисторичностью, откровенной политической ангажированностью, вызвавших в обществе крайне неоднозначную реакцию. Не меньший, а по всей вероятности, больший вклад в разрушение общественного сознания населения СССР внесли радио и телевидение. Свою лепту в этот процесс внесли киноискусство, драматургия и т.д.

Сложившаяся в отечественной публицистике ситуация вызвала обоснованную тревогу в кругах профессиональных отечественных историков и попытки обратить внимание на опасность происходящего. «В современной исторической публицистике праздник, — писали в 1989 г. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов и В. Т. Логинов. — Праздник непослушания, головокружительных идей и гипотез. Половина страны стала историками-неформалами. Другая половина — их внимательными и благодарными слушателями. Только загнанные в подполье зануды профессионалы ведут долгий список перепутанных и перевернутых фамилий, непроверенных фактов и неточных цитат. Но кто их теперь слушает этих зануд? Одна газета приво-

дит сегодня сомнительное свидетельство, завтра другая уже ссылается на него как на достоверный источник. Безостановочно работают генераторы исторических идей, черпая вдохновение в малодоступных пока зарубежных изданиях, в случайно попавших в руки старых газетах и наскоро прочитанных мемуарах. Как быстро меняются плюсы на минусы и минусы на плюсы в оценке прошлого! Хорошо! Как упоительна эта долгожданная интеллектуальная свобода! Раньше хотели говорить, что думаем, теперь хотим думать, что хотим. Прошлое снова послушно нашей воле. Ему можно внушать разумные истины и укоризненно грозить пальцем» [3, с. 242—243].

Как «состояние разброда» оценил освещение прошлого в выступлении на совещании историков в ЦК КПСС 3 октября 1989 г. один из авторитетнейших ученых того времени академик И. Д. Ковальченко. «Сейчас в его трактовке (освещения прошлого. — А. С.) преобладает публицистический, а не научный подход. При всей оперативности и значимости первого ему присущи во многих случаях поверхностность, тенденциозность и сенсационность. Под флагом плюрализма и радикализма нередко выдвигаются не соответствующие действительности и уже отвергнутые наукой трактовки» [4, с. 6].

В. Т. Логинов, рассматривая ситуацию в обществоведении как кризисную, на первое место среди причин этого кризиса поставил утрату чувства реальности частью обществоведов, в том числе и историков. По его мнению, «историк за частую недооценивают глубину и характер перемен — как позитивных, так и негативных, произошедших в историческом сознании широких масс. Речь идет уже не о том, чтобы подправить отдельные выступления некоторых публицистов, а о том, что в массовом сознании — особенно молодежи — более чем 70-летний период истории страны воспринимается лишь как сплошная цепь преступлений, как своего рода “уголовная хроника”» [4, с. 10].

Член-корреспондент АН СССР П. В. Волобуев вину за сумятицу в историческом сознании общества, которая, по его мнению, принимает угрожающий характер, возлагал, прежде всего, на историков, считая, что перестройка исторической науки явно затянулась. Кроме того, он отметил, что наблюдается массовое отречение бывших поборников социализма и активных деятелей периода застоя от марксизма и социалистических ценностей. Иначе как предательством, подчеркнул он, это не назовешь. Это сейчас приобретает широкий размах. И

наоборот: те, кто были во времена застоя под ударом, сейчас оказались в числе защитников социализма. Он также обратил внимание на случаи, когда средства массовой информации, издательства уклоняются от борьбы с идейно порочными концепциями и взглядами [4, с. 12—13].

Раскол в сообществе отечественных историков в 1989 г. существенно углубился. Причины этого были достаточно разноплановы. Важным фактором формирования различных подходов к отечественной истории в целом и событиям советской эпохи в частности было то давление, которое оказывалось на профессиональных историков в конце 1980-х гг. Их просто загоняли в пересмотр существовавшей к началу перестройки государственной (официальной) исторической концепции и сверху, и снизу. Определяющим здесь было давление сверху. Характерным явлением в нем было нарочитое отсутствие четкости позиций политического руководства страны, ясности требований к научному сообществу. Это хорошо видно на примере уже упомянутого выступления В. А. Медведева. «Есть проблемы, которые приобрели сегодня особую остроту, — заявил он тогда. — Это Ленин, Октябрь, социалистический выбор, этапы развития страны, международные аспекты ее развития. Причем сложность ситуации состоит здесь в том, что нужны и глубокие непредвзятые исследования, и новый взгляд на вещи, и окончательное искоренение прежних представлений и догм. Вместе с тем делать это надо так, чтобы укреплялись наши основные позиции» [4, с. 5]. Что подразумевается под всем этим — выступающий не уточнил.

Как видно из выступления Медведева, И. Д. Ковальченко имел все основания требовать, чтобы позиция ЦК КПСС по коренным положениям марксистской теории общественного познания должна быть более развернутой и определенной. «Ученые могут соглашаться или не соглашаться с нею, но она должна быть, и ее должны знать», — подчеркивал он [4, с. 6]. Однако отсутствие этой определенности было характерно и для самого Горбачева и для его ближайших соратников. Только косвенные признаки позволяли достаточно отчетливо увидеть ожидаемые ими подвижки. Например, в выступлении Медведева событиям 1917 г. отказано в статусе «революции». Для него это просто «Октябрь».

Неконкретность, если не двусмысленность, в определении стратегических задач, выдвигаемых перед исторической наукой руководством страны, очевидным образом влияла на позиции руководителей научно-исследовательских учреждений,

академических журналов, издательств и других подразделений в области обществознания. Вынужденные по долгу службы учитывать позицию партийных органов, они, в свою очередь, прибегали к недомолвкам, ограничиваясь, в основном, призывами к «обновлению исторической науки», ее перестройке, публикации трудов, «написанных в духе времени и отвечающих потребностям развития нашего общества». При этом утверждения о необходимости «нового взгляда» на проблемы отечественной истории, а также защиты «наших основополагающих ценностей» также не конкретизировались. Между тем архивы раскрывали свои тайны весьма избирательно и не для всех.

В то же время и давление было чрезвычайно мощным. Как уже отмечалось, виртуальную картину прошлого создавала, прежде всего, значительная часть публицистики. А профессиональные историки зачастую не имели достаточной документальной базы для убедительного опровержения многочисленных создаваемых мифов. Добросовестным исследователям зачастую просто нечего было противопоставить тем, кто сознательно и целенаправленно искажал знания о прошлом. Эмоциональные статьи публицистов и не менее эмоциональные отклики их слушателей оказывали на историков колоссальное давление, которое далеко не все сумели выдержать и сохранить профессиональную объективность, не впасть в конъюнктурное угодничество.

С данной проблемой тесно связана еще одна, о которой хорошо сказал член-корреспондент АН СССР В. А. Куманев. Говоря о важности формирования исторического сознания общества, он подчеркнул: «Именно из-за его низкого уровня дилетантские безответственные выступления в массовой печати имеют, к сожалению, столь широкий резонанс и дают печальные всходы. Истоки незнания истории следует искать в средней школе, где главным образом и формируется историческое сознание. А низкий уровень учебников, да и преподавания предмета — общеизвестен. Отсюда и столь плачевный результат» [14, с. 19].

Нельзя сбрасывать со счетов и еще одну важную причину раскола в рядах представителей гуманитарных наук. Часть их к концу 1980-х гг. уже поняла, что перестройка, одним из основных начальных лозунгов которой было «больше социализма, больше демократии», превращалась в нечто совсем иное. Другая часть сохраняла надежду на то, что продолжается процесс «очищения, освобождения общественного сознания от фальсифи-

каций и стереотипов» (см., например: 12, с. 5—6). Понять такую позицию можно, особенно с учетом состояния исторической науки и страстного желания позитивных перемен в организации изучения нашего прошлого. На это наслаивалась глубокая неудовлетворенность состоянием дел в стране. В то же время о разрушении Советского государства даже речи не шло, а идея реставрации капитализма в те годы его адептами тщательно скрывалась. Сохранению надежд на то, что мы переживаем лишь временные трудности, способствовало понимание того, что глубина намеченных преобразований не могла не вызвать значительных трудностей в жизни общества. Таким образом, у отечественных обществоведов проявлялись и искренняя вера в благотворность перестройки, и политическая наивность и стремление «геростратов мысли», как их назвал Ю. Бондарев в выступлении на XIX партконференции, поподличать в поисках комфортности бытия. Отсюда и различие в видении проблемы и ее оценках.

В 1987—1988 гг. даже самые радикальные сторонники перестройки не дерзали начать ревизию основ советского общества. Однако такая ситуация долго быть устойчивой не могла. Многие исследователи предупреждали о таком развитии событий. «Современное обращение к личности Н. И. Бухарина неизбежно связано с обсуждением острейших вопросов истории Октябрьской революции, соотношения в ней неизбежного и случайного, созидательного и разрушительного», — отмечал, например, Ю. Емельянов [5, с. 10]. В то же время вряд ли кто ожидал, что этот процесс будет столь бурным и радикальным. В итоге уже 1989 г. стал переломным и в этом отношении: «на смену мифологии “непорочности” революции, когда каждый шаг большевиков объявлялся и рассматривался как единственно верный, кажется, приходит иная мифология — мифология “первородного греха” революции. И тогда корни всего последующего зла — от сталинских беззаконий до брежневского застоя — прямо выводятся из действий большевиков в первые послереволюционные годы» [3, с. 243].

Доминировала в создании новых мифов об Октябрьской революции и доктринальных причинах наших бедствий — в очередной раз приходится говорить об этом — публицистика. Однако и обществоведы внесли в это дело свою лепту. Примером здесь может служить доктор философских наук А. Ципко. Очень чуткий к политическим веяниям человек, он уже в 1988 г. в первом очерке своей статьи «Истоки сталинизма» настойчиво

призывал отказаться от мифологизирования Сталина и признать, что его деятельность является порождением доктринальных причин. Именно под этим углом зрения он подверг критике целую группу авторов разной политической ориентации. «Я прочитал, — писал он, — немало статей, и, прежде всего, работы О. Лациса, Л. Ионина, И. Клямкина, Л. Гордона, А. Нуйкина, В. Кожина. В этих работах множество интересных идей, исторического материала, свидетельств. Но никто из авторов не обмолвился ни словом об исходных позициях и самих проектах нашего социалистического строительства, о доктринальных причинах деформации социализма» [13, с. 48].

Своей претензией на приоритет в таком подходе Ципко вызвал гнев Лациса и его отповедь [14, с. 183—199]. Очевидно, идеи из арсенала западной советологии у части обществоведов становились весьма востребованы. При этом истинные цели авторов порой даже не скрывались. «Если вы, к примеру, как О. Лацис, соглашаетесь с тем, что “колхозный строй”, то есть организация труда на земле с помощью нарядов, ежедневные указания “выходи туда-то.., делай то-то”, в принципе соответствует интересам крестьянства, что зло было не в коллективизации вообще, а в извращенных методах ее проведения, то вы тем самым лишаете себя возможности обосновать необходимость нынешних перемен в аграрном секторе... Если колхозы, какими они мыслились их создателям, действительно соответствуют интересам крестьянина, то зачем нужна нынешняя новая аграрная революция, намеченная на июльском Пленуме ЦК КПСС 1988 года?... Достаточно согласиться хотя бы с одной из открывшихся нам догм сталинизма и вы потеряли почву для борьбы за реформы. Любой враг перестройки загонит вас в угол, собьет с ног» [13, с. 55]. Итак, не поиски истины, а обоснование необходимости проводимых Горбачевым реформ является главной целью автора, по его собственному признанию.

Тенденции, отчетливо проявившиеся в 1989 г., получили дальнейшее развитие в 1990—1991 гг. Точную оценку манипуляциям общественным сознанием, осуществляемым в этот период, дал в своей монографии С. Г. Кара-Мурза. Октябрьская революция стала такой больной темой, что ее или обходят, или пожирают «легкие, но ядовитые плоды охаивания», — отметил он. Смысл происходящего он пояснил на примере действий кинорежиссера С. Говорухина. «Передо мной лежит сценарий фильма С. Говорухина «Россия, которую мы поте-

ряли». Его тяжело читать, он как бы наглядное пособие к мысли Ницше о том, что интеллигенция склонна орудовать фальшивыми гирями. Читаю сценарий, и так неприятно, будто тебя заставляют смотреть что-то неприличное... Обман, против которого зритель, размягченный образами русской старины, будет бессилён — это же запрещено совестью художника. И все для того, чтобы сказать о советском строе: «Господи, кто же придумал этот строй, которому чуждо проявление сострадания к ближнему!». Но это — политика. Говорукин выполняет контракт, работал и работает на добывание советского строя» [9, с. 148].

Начатые сверху усилия, подхваченные частью отечественной интеллигенции, движимой, по определению Кара-Мурзы, «инстинктом выгоды», привели к созданию многоуровневой системы манипуляций общественным мнением. Многоплановая работа в этом направлении дала крайне негативные результаты. События недавнего прошлого стали мощным оружием в политической борьбе сторонников и противников перестройки. На первый план выходила политическая целесообразность, и историческая наука находилась под большим воздействием политики и идеологии. Во многих публикациях того времени четко обозначилась линия полного отрицания всего, что связано с советским периодом, авторы прозападной либеральной ориентации по существу предали анафеме весь советский проект. В связи с этим многие публикации опирались не на фактический материал, не на конкретный исторический опыт, а на абстрактные конструкции и вольные интерпретации событий XX в. Некоторые авторы не останавливались порой и перед откровенной фальсификацией.

Под лозунгом деидеологизации исторической науки произошла смена идеологии. Уже в 1988 г. Л. Баткин в статье с о многом говорящим названием — «Возобновление истории» сделал попытку доказать, что после 1917 г. мы сидели на исторической мели и только с перестройкой снялись с нее, и история нашей страны возобновилась [15, с. 159—160]. Таким образом, по мнению Баткина, вклада советской цивилизации в мировую историю не было. В такого рода утверждениях он был далеко не одинок.

На головы населения, в том числе и молодежи, был обрушен мощный поток публикаций зарубежных авторов и эмигрантской литературы. В многочисленных отечественных компиляциях за новое слово в науке выдавались идеи и оценки 75-летней

давности. Помимо этого, впервые в нашей истории в сознание молодежи активно внедрялась мысль о допустимости предательства по отношению к своему Отечеству [16, с. 235—236]. А рядом многочисленные публикации, поливающие грязью такие символы советской эпохи, как Павлик Морозов, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская и т.д. Чрезвычайно популярны были у определенной категории авторов утверждения о многих миллионах погибших в Гулаге, о коллективизации как «третьем издании крепостничества в России», ненужности проведения форсированной индустриализации. Сопровождалось все это внушением крайне пагубной идеи о необходимости воспитывать нашу молодежь посредством чувства стыда и покаяния за нашу историю.

По сути дела, в литературе 1980—1990-х гг. повторились процессы, которые отечественная историческая наука уже переживала в 20-е гг. прошлого века: началось разрушение старой официальной исторической доктрины и формирование новой, принципиально отличающейся как по содержанию, так и по характеру оценок. Ее отправной точкой стал антисталинизм, быстро переросший в антисоветизм, концепцию тупиковости советского проекта.

Переписывание отечественной истории, начатое по инициативе Горбачева и его окружения, нанесло сильнейший удар по историческому сознанию общества, а через него и национальному сознанию молодежи. Ученые-историки уже в середине 90-х гг. отмечали опасность такого развития событий и предупреждали о его последствиях. Если мы не найдем ключа к правильному пониманию истории, отмечал, в частности, профессор института Российской истории РАН А. К. Соколов, то возникает «целый ряд нежелательных следствий социального, политического и морально-этического свойства. Происходит потеря социальных ориентиров, распад общественных связей, традиций. Прошлое в головах людей расплывается, становится аморфным и неопределенным, утрачивает свою цельность. Размывание социальной памяти как важнейший компонент общественной жизни грозит деградацией и дебилизацией общества» [17, с. 9].

К сожалению, данное и подобные ему предупреждения не были приняты во внимание. Более того, разрушительный процесс переписывания и фальсификации отечественной истории набирал силу и в последующие годы, что и побудило Д. А. Медведева издать свой беспрецедентный Указ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачев М. С. Путь Октября — путь первоходцев / М. С. Горбачев // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. — М., 1988.
2. Дискуссия о периодизации истории советского общества // История СССР. — 1988. — № 3.
3. Бордюгов Г. А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. — М., 1992.
4. Историческое сознание общества — на уровень задач перестройки // Вопросы истории. — 1990. — № 1.
5. Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине : революция. История. Личность / Ю. В. Емельянов. — М., 1989.
6. Афанасьев Ю. Н. Перестройка и историческое знание / Ю. Н. Афанасьев // Иного не дано. — М., 1988.
7. Виноградов И. И. Может ли правда быть поэтапной / И. И. Виноградов // Иного не дано. — М., 1988.
8. Афанасьев Ю. Н. Несколько слов от редактора / Ю. Н. Афанасьев // Иного не дано. — М., 1988.
9. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой победы до наших дней / С. Г. Кара-Мурза. — М., 2000.
10. Фроянов И. Я. Погружение в бездну / И. Я. Фроянов. — М., 2002.
11. Шубкин В. Трудное прощание / В. Шубкин // Новый мир. — 1989. — № 4.
12. Волобуев О. В. Очищение. История и перестройка / О. В. Волобуев, С. В. Кулешов. — М., 1989.
13. Ципко А. Истоки сталинизма. Очерк 1 / А. Ципко // Наука и жизнь. — 1988. — № 11.
14. Лацис О. Термидор считать брюмером... История одной поправки / О. Лацис // Знамя. — 1989. — № 5.
15. Баткин Л. Возобновление истории / Л. Баткин // Иного не дано. — М., 1988.
16. Бетелл Н. Последняя тайна / Н. Бетелл. — М., 1992.
17. Соколов А. К. Лекции по советской истории. 1917—1940 / А. К. Соколов. — М., 1995.

Воронежский государственный университет
Сарычев А. Г., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей отечественной истории и историографии

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Тел.: (4732) 39-29-35

Voronezh State University
Sarychev A. G., Candidate of Historical Science,
Associate Professor of the Modern History of Russia and
Historical Records Department

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Tel.: (4732) 39-29-35